

ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ В КАЛМЫКИИ

Н.А. Эльдяева, *д-р экон. наук,*

Е.С. Джамбинова,

Калмыцкий государственный университет

Из кочевых народов, обитавших в пределах Астраханской губернии, калмыки составляли значительную часть ее населения, сохраняя свой кочевой и патриархальный родовой быт. Основным типом хозяйства являлось кочевое скотоводство. Последнее позволяло кочевникам удовлетворять свои потребности в пище, одежде, жилище, в средствах передвижения, и кроме того, избыточную продукцию поставлять для обмена с земледельческими народами на отсутствующие в хозяйствах кочевников товары.

В силу экстенсивного скотоводства и кочевого образа жизни калмыки на всем протяжении своего развития имели слабую экономическую и технологическую базу. Материальная культура, приемы ведения хозяйства, способы производства продуктов животноводства совершенствовались медленно и мало изменились с течением времени.

Историки не располагают сколько-нибудь точными данными о количестве калмыков, перекочевывавших в начале XVII века к пределам России. Сведения источников необычайно противоречивы и неопределенны. Они не разъясняют значения приводимых ими цифр, вследствие чего бывает трудно, а то и невозможно, определить, идет ли в данном случае речь обо всем подвластном тому или иному тайше (крупный феодал - Н.Э.) населении или только о той части, которая в это время кочует с тайшой. Не всегда также удается выяснить, входило ли в указываемую цифру все население улуса или только воины, учтены ли женщины и дети.

Русские люди, посещавшие по тем или иным делам калмыцкие улусы, докладывали властям о численности их жителей чаще всего на глаз или по слухам. Что же касается сведений, сообщаемых тайшами, то они оказывались, как правило, сильно преувеличенными. Таким путем тайши стремились поднять свою роль и значение в глазах русских властей [20, с. 87].

При всем этом, несмотря на неточность приводимых источниками цифр, они все же могут дать приблизительное представление о количестве прикочевывавших калмыков. Так, по сведениям У.Э. Эрдниева, к 50-м годам XVII века в приволжских степях расселилось до 50 тыс. кибиток. После 1642 г. в приволжских степях расселилось до 7000 дербетских кибиток, прибывших из Джунгарии. В 1670 г. на Волгу прибыла родная

сестра Аюки-хана, бывшая замужем за хошеутовским тайшой Цереном, и привела с собой до 1000 хошеутовских кибиток [21, с. 34].

Как отмечает главный попечитель калмыцкого народа К. Костенков, «хотя калмыки считались подданными России, но отношения их с соплеменниками не прекращались. Толпы калмыков то перекочевывали сюда из Джунгарии (Китай - Н.Э.), то возвращались опять в Джунгарию, без всякого стеснения со стороны русского правительства... число пришельцев постоянно увеличивалось, так что в половине прошедшего (XVII - Н.Э.) столетия насчитывали уже более 80000 кибиток, кочевывавших в южных пределах России» [20, с. 148].

Русское правительство, оставляя неприкосновенными существующие сословные отношения, не считало необходимым налагать на калмыков какие-либо обязательства перед государством, несмотря на то, что с 1661 г. они считались подданными России. Такое решение правительства было продиктовано сложной политической и социально-экономической обстановкой того времени. Во время русско-польской войны 1654-1667 гг. Крымское ханство выступило против России в союзе с Речью Посполитой. Враждебные действия крымского хана потребовали от Русского государства усиления обороны южных границ и получения дополнительной вооруженной силы для борьбы с Речью Посполитой и Крымом [15, с. 114]. Благожелательная линия правительственной политики в значительной мере стала следствием того, что правительство стремилось получить в свое распоряжение калмыцкое войско. Военные походы калмыков против Крыма гораздо удобнее было организовать из более близких к театру военных действий приволжских и придонских степей, чем из-за Яика. В «милостивом слове» от 15 сентября 1664 г. правительство призывало правителя Мончака и других тайшей кочевать по Волге, Дону и донским вершинам для того, чтобы он мог под Крым и Азов посылать своих людей [15, с. 115]. Кроме того, размещение калмыцких кочевий на правобережье Волги создавало заградительный кордон от нападений с юга на русские пределы [18, с. 50].

Благодаря независимому и своеобразному положению калмыков с предоставлением власти над народом исключительно его высшему сословию русское правительство не нуждалось в точном исчислении наро-

донаселения, находившегося в то время в пределах России. Численность народа то увеличивалась «новыми пришельцами, которых привлекали сюда свободные и привольные пастбища, предоставленные без дани, беспоплино этому народу, то уменьшалась обратными перекочевками их в Зюнгарию» [20, с. 148].

В середине XVII века насчитывалось уже более 80 тыс. кибиток, кочевавших в отведенных им местах, но затем после ухода калмыков в Джунгарию в 1771 г. число их резко уменьшилось.

По официальным сведениям того времени, число оставшихся в России калмыков после событий 1771 г. достигало 13 тыс. кибиток, и спустя 12 лет - в 1783 г. в официальных документах фигурирует то же количество (13063 кибитки). Как писал главный попечитель калмыцкого народа К. Костенков, это «доказывает, во-первых, неправильность того или другого указания и, во-вторых, отсутствие необходимости для администрации в точном исчислении народа, потому что нельзя допустить предположения, чтобы численность народа не подвергалась в течение этого времени изменению» [20, с. 149].

Хотя правильность исчисления народа и вызывала большие сомнения, но русское правительство не принимало действий по организации учета и «довольствовалось теми сведениями, которые доставляли ему владельцы и правители улусов только о числе кибиток.

Первое упоминание о сборе сведений о численности калмыков датируется 30-м ноября 1728 г. [1, л. 45]. К сожалению, плохо сохранившийся документ не позволяет делать какие-либо заключения на этот счет.

Следующее упоминание зарегистрировано в 1755 г. В архиве имеется дело № 285 «О приведении в известность числа калмыков, кочующих по Дону, к каким владельцам они принадлежащие и о возвращении их по принадлежности» [2, л. 23].

Имеются сведения о численности отдельной части калмыков, кочующих по реке Дон, зафиксированы сведения об их владельцах. Также имеются цифровые данные о числе беглых калмыков, возвращенных прежним владельцам. Отрывочные и неполные сведения о численности калмыков свидетельствуют о том, что строгая периодичность и системность важнейших данных в этот период времени отсутствовала.

Изучение предпосылок рождения и становления учетно-статистической деятельности показывает самобытность развития этой деятельности в кочевом хозяйстве. В непростых социально-политических условиях середины XVIII века специальный статистический учет прикочевывавшего калмыцкого народа не проводился. Данные о численности народа периодически запрашивались через калмыцкую канцелярию. 23 февраля 1783 г. вышел Указ Императрицы Екатерины II «Об учинении достоверной выправки калмыцких улусов, владельцев, зайсангов и простых калмыков» [1, л. 34].

Для исполнения этого указа чиновники калмыцкой канцелярии обращались за сведениями к владельцам улусов, которые составили опись подвластного населения в произвольной форме [2, л. 34]. Списки составлялись покибиточно, велся учет всех проживающих в кибитке с указанием родственных связей, их возраста и к какому владельцу они принадлежат. На основании поступивших ведомостей калмыцкая канцелярия обобщает данные и получает точное число кибиток в разрезе владельцев. Так, архивные данные свидетельствуют, что в 1799 г. в Калмыцкой степи находилось 13155 кибиток [3, лл. 4-5]. Такой учет нельзя назвать прогрессивным, поскольку он позволял определить число кибиток, а не проживающих в них людей. Подобный упрощенный учет народонаселения сохранялся еще долго.

В целом сбор сведений о населении осуществлялся не периодически, а по мере необходимости, и собранные сведения носили оперативный характер.

Царское правительство было заинтересовано в военной помощи калмыков. В 1791 г. калмыцкая канцелярия своим ордером «предписать изволила, чтоб по приложенной при нем форме чрез посредством зайсангов сделать... мужскому полу опись, различа годным к службе и назнача пятую часть в поход» [4, л. 1].

Другой документ - рапорт поручика Петрова - свидетельствует о том, что предписания калмыцкой канцелярии зайсанами не выполнялись. Так, в рапорте есть такие слова: «...я получаю оное и собрав всех зайсанов объявил имъ оное повеление с подтверждением, чтоб все они непременно к прошедшему сего месяца 20-му числу в своем аймаке учинили опись для отправления в канцелярию, но они отозвались, что как время зимнее и что аймаки у всех состоят в родных зимовьих местах, такъ что ни кибиток ни людей они никак собрать не могут... и видно что без персонального приказания канцелярии успеху никакого быть не может» [4, л. 30].

С 1791 по 1793 г. шла оживленная переписка калмыцкой канцелярии с улусными попечителями о производстве переписи мужского населения в Калмыцкой степи. Эту перепись провели владельцы улусов [6, л. 8]. Перепись мужского населения осуществлялась по простой форме, в которой указывались имя мужчины и возраст.

В 1789 г. по указу Кавказского наместнического правления вводится учет естественного движения калмыцкого населения, и данные фиксируются в специальной ведомости, в которой отражаются сведения о числе родившихся; о числе умерших по полу; о числе бракосочетаний. Далее в ведомости предусматривается графа для сбора данных о числе и возрасте умерших мужчин. Это диктовалось необходимостью знаний о естественном движении, о смертности среди мужского населения. Сбор материалов для составления этой ведомости также осуществляли владельцы улусов [4, л. 1].